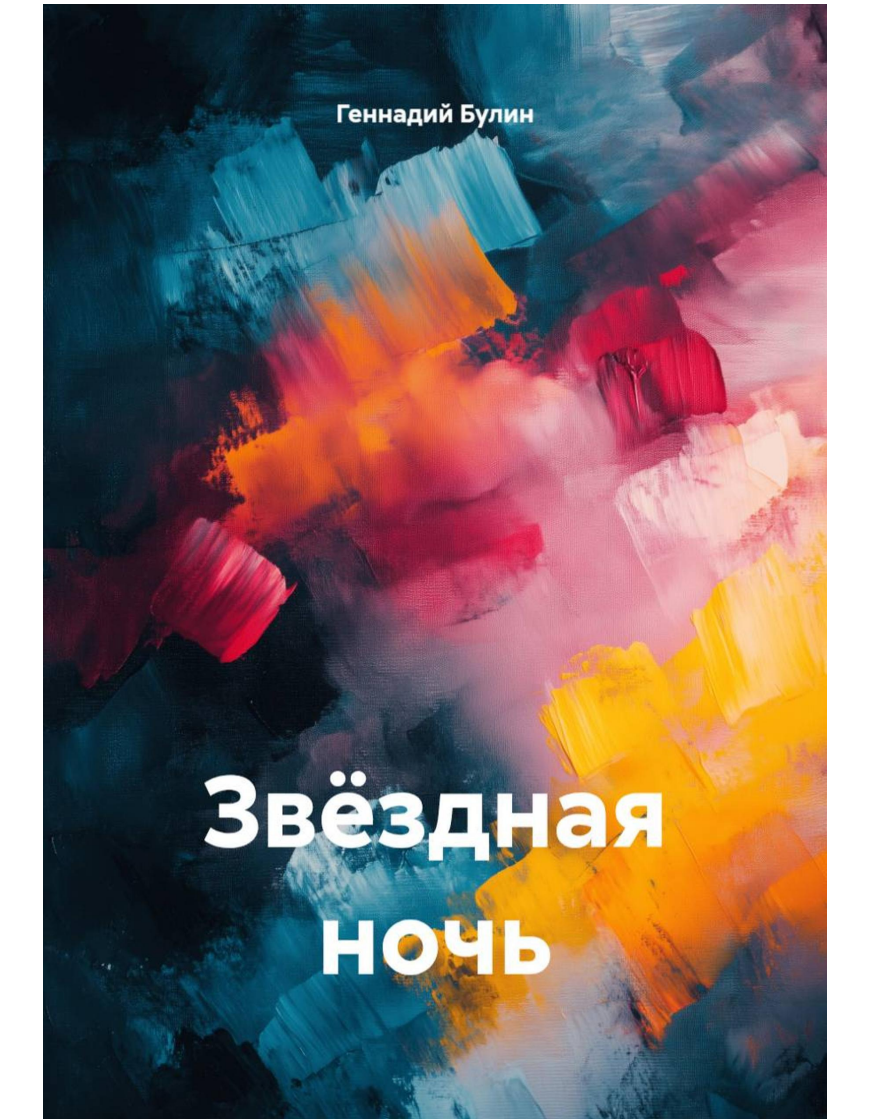

An abstract painting with thick, expressive brushstrokes. The color palette is dominated by deep blues and teals in the upper and lower portions, transitioning into vibrant oranges, yellows, and pinks in the center and right. The texture is highly visible, suggesting a heavy application of paint.

Геннадий Булин

Звёздная НОЧЬ

Геннадий Булин

Звёздная ночь

<https://litres.ru/74208438>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой — автор или нет — вспоминает эпизод поездки в Торжок на каникулах

Геннадий Булин

Звёздная ночь

ЗВЁЗДНАЯ НОЧЬ

*представляя рисунок
выполненный красками
не имеющими аналогов в нашем измерении
я не могу увидеть его полностью
поскольку нахожусь внутри*

Перебирая залежи старых бумаг, наткнулся на текст, написанный несколько лет назад. Стряхнув виртуальную пыль, перечитал. Ничего не поменялось с того времени. Картины всё так же висят на противоположной стене. Я сижу за письменным столом. Если посмотреть через окно, — там тоже ничего не поменялось. Там вообще ничего не происходит.

Привожу данный текст полностью, без ненужных правок, потому что бессмысленно вносить изменения в пространство, где ничего не происходит.

*

Никогда раньше не рассказывал эту историю, поскольку сам не до конца понимаю произошедшее. Описываемые со-

бытия случились двадцать лет назад. Я тогда окончил школу. Сдал экзамены в институт. И решил отправиться в Торжок. Вслед за родителями. Просто захотелось сменить видеоряд. Хотя бы в Торжке. Не самое моё любимое место, если честно. Там возникает ощущение лёгкой тоски. Там первые этажи деревянных домов на Ильинке провалились в землю; рядом скрипят ржавые карусели, всплывает переулочная пыль и т.д. Наши переехали в Торжок из Малой Вишеры за несколько лет до описываемых событий, по причине, которая едва ли существенна для данного повествования. Родственники, давно жившие в этом городе, помогли деду приобрести дом в частном секторе, на окраине без определённой красоты, возле дороги до бензозаправки. С юго-запада жилой квартал поддавливает промзона. Однако в самом доме (и тихом дворике за ним) было вполне уютно, создавалась иллюзия деревни, веяло огородом, печным отоплением, воспоминаниями...

*

Прибывший поезд, приторно свистнув, поскрипел дальше. Пахло железной дорогой, сыростью и выхлопами скособоченного автобуса, на котором за некоторое время я доехал до конечной. По тропинке дошёл до дедова дома. И попал в объятия родных. В почти усадебном доме могло разместиться человек двадцать... Нас, конечно же, столько не бы-

ло. Есть повод вспомнить конфигурацию: бабушка с дедом располагались в двух основных комнатах; за печкой, с видом на дорогу из крохотного окна, жил дядя; родителям отвели мансарду, мне же — постелили на веранде. Такое уединение порадовало. Остальные покои отделялись бревенчатыми стенами. Чуть ниже, через сложносочинённый коридор (с прилегающими баней и дровником), был проход до скотного. Скотным давным-давно не пользовались. За ним в пристроенной недавно комнатке (с отдельной печкой и автономным выходом) обитал «съёмный жилец», заехавший с полгода назад. Когда я спросил про него, сказали, что в отъезде.

*

Мне нравилось на веранде. Я перемещался с топчана до старого кресла, клал книжку на крохотный столик. О шумах вокруг скажу чуть позже. Вечером можно было достать из буфета большую бутылку, налить капельку настойки в деревянную стопочку и подумать о чём-нибудь несущественном... Кроме кота, ко мне почти не заходили... Изредка — троюродная сестра... Она жила на другом конце города... Впрочем, это совсем другая история. В основном, я читал, скидывал фантазии в альбом, слушал окрестные звуки... Холодным летом здесь было бы неудобно, но погода стояла жаркая, порой даже излишне. Днём помещение нагревалось, приходилось спускаться в сад, под яблонями можно было позани-

маться со штангой, приспособленной дядей из каких-то подручностей; потом, взяв велосипед в сарае, доехать до мельницы за лесопарком; поваляться около речки. Иногда мы с родителями посещали блинную на Ильинке. Пару раз я забредал в местный пушкинский музей. Вечером разговаривали с дедом о войне, о его финском плену, о прочем... Потом я уходил к себе, проветривал через дверь нагромождение запахов и, лёжа под пологом, слушал летнюю полуглухую, периодически нарушаемую одинокими машинами или вертолётами, что фланировали над домом. Дядя называл их «фараонами». Вертолётный рёв просачивался сквозь крышу. Они наводили помехи в телевизоре. Их гул казался инородно-инфернальным, но, как ни странно, я быстро привык. К тому же ночью они не летали. Скорее тревожили шорохи из темноты, какое-то лёгкое дребезжание, отдалённые голоса со скотного. Я говорил себе, что в сонном частном секторе (с таким количеством родственников) ничего плохого случиться не может. Ещё можно добавить про писк комаров. Но их там — немного. Через полог они казались неважными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.